

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

УДК 328.16: 316.422

КРИЗИСНЫЙ СИНДРОМ МОДЕРНИЗАЦИИ: ОБНОВЛЕННАЯ ВЕРСИЯ

Т.К. ПОЯРКОВА

Национальный педагогический университет им. М. Драгоманова, г. Киев, Украина

e-mail:rosin13@ukr.net

В статье обосновывается необходимость обновления содержания понятия «кризисный синдром модернизации». Предлагается авторская версия «кризисного синдрома модернизации», которая позволяет отделять кризисы – причины модернизации и кризисы, возникающие в результате ее проведения.

Ключевые слова: модернизация, политический кризис, кризисный синдром модернизации.

На современном постсоветском пространстве принято рассматривать проблемы «вторичной» модернизации с использованием понятия «кризисный синдром модернизации» (далее КСМ), которое объединяет взаимосвязанные кризисы – проникновения, участия, идентичности, легитимности и распределения.

Понятие КСМ, введенное в 1971 г. в научный обиход коллективной работой «Crises and Sequences in Political Development» (1971) под редакцией Л. Биндера, нашло широкое применение в отечественной науке¹. Однако в западной политологии оно имеет сорокалетний шлейф понятия-маргинала. Причины такой негативной репутации заключаются в: 1) представлении о типичности модернизационного процесса; 2) неопределенности политического кризиса как объекта исследования; 3) методологической невозможности отделения кризисов – причин от кризисов – последствий модернизации².

Попытки преодолеть недостатки понятия КСМ осуществлялись еще в 70-х гг., но не были поддержаны. Так, Г. Алмонд в коллективной работе «Crisis, Choice, and Change: Historical Studies of Political Development» указывал на необходимость создания междисциплинарного подхода, который позволил бы исследовать кризисные явления в пространственно-временном измерении. Это позволило бы учитывать: 1) особенности перехода от одного состояния политической системы к другому; 2) действия субъектов политического процесса³.

¹ Binder L. The Crisis of Political Development // Crises and Sequences in Political Development. Princeton, 1971. P. 3–72.

² Grew R. Modernization and Its Discontents // American Behavioral Scientist. 1977. Vol. 21. № 2. (November–December). P. 306.

³ Almond G.A. Approaches to Developmental Causation // Crisis, Choice, and Change: Historical Studies of Political Development. Boston, 1973. P. 1–41.

С. Фленаган (в этой же работе) предлагал исследовать кризисы поэтапно⁴. Если на первом этапе необходимо сосредоточиться на ресурсах, которыми располагает система для преодоления кризисных явлений, то на втором важным является учет внутренних и внешних параметров системы. Внутренние параметры системы зависят от действий отдельных политиков, граждан, сложившихся ожиданий, а внешние параметры изменяются под воздействием международной политики, экономических событий, экологии и т. д. На третьем этапе исследования внимание необходимо сосредоточить на асимметрии между требованиями к системе и ее способностями к адекватному ответу. Четвертым пунктом кризисного анализа являются новые связи, устанавливаемые между социумом и властью.

В отечественной политической науке популярность получила первоначальная версия КСМ, что отчасти объясняется быстрым демонтажом советской научной парадигмы в 90-х гг. XX ст., когда в отсутствие серьезной научной экспертизы и методологического обоснования произошло некритичное освоение концепций западной политической мысли⁵. Но сам сорокалетний период существования понятия КСМ неизбежно актуализирует вопрос об его обновлении.

Во-первых, за это время произошло фундаментальное расширение содержания понятия «модернизация»: от понимания ее как процесса перехода от аграрного к индустриальному обществу – до ориентации на высокие экономические стандарты. (Показательным примером расширительного трактования служит понятие «негативная модернизация», применяемое к советскому опыту⁶.) Это связано и с тем, что демократизация становится формальной, а действия власти легитимируются не выборами, а телеопросами и шоу, где политическое равенство подменяется потребительским равенством. Данное обстоятельство позволяет применять термин «модернизация» для описания глобализации, постиндустриализации, деиндустриализации.

Например, разрушительной для понятия «модернизация» оказывается и глобализация как процесс становления целостной структуры управления с мировым разделением труда, с наличием действенного института международных регулирующих органов, противостоящих государствам, которые постепенно утрачивают признаки суверенности. Здесь модернизация превращается в стратегическое оружие, прикрывающее перераспределение государственных ресурсов в пользу глобальных игроков⁷.

Во-вторых, общепринятым становится отход от представлений о западных образцах модернизационного процесса как единственном ориентире, а научное признание получает констатация множества модернизационных путей (например, США, Китая, стран Европы)⁸.

В-третьих, изменениям подверглось и понятие «политический кризис», которое все чаще рассматривается как нечто гораздо большее, чем точка слома системы. Это длительный процесс накопления дисфункциональностей с моментами обострения, в которых система становится зависимой от действий субъектов политики⁹.

Эти трансформации определенным образом способствовали эволюции понятия КСМ, содержащей четкую тенденцию отказа от сведения кризисных явлений модернизации к схематическому набору кризисов – к поиску конкретных причин, которые в отдельной политической системе катализируют кризисные явления. Можно выделить несколько различных точек зрения на природу, причины и особенности развития кризисов модернизируемых систем.

Первая группа объединяет научные разработки, где кризисы модернизации связываются со свойством капитализма переносить собственные проблемы в пространстве (на

⁴ Flanagan S.C. Modes and Methods of Analysis // Ibid. P. 43–102.

⁵ Поляков Л.В. Методология исследования российской модернизации // Полис. 1997. № 3. С. 6.

⁶ Трубицын Д. В. «Модернизация» и «негативная мобилизация» конструкторы и сущность // Социологические исследования. 2010. № 5. С. 6.

⁷ Кляйн Н. Доктрина шока. М. 2009. С. 3.

⁸ Кульпин-Губайдуллин Э.С. Альтернативы российской модернизации или реставрация Мэйдзи порусски // Полис. 2009. № 5. С. 158–169.

⁹ Анатомия кризисов. М., 1999. С. 203

другие регионы и страны) и во времени (следующие поколения)¹⁰. В этом контексте кризисные проявления напрямую зависят от расположения страны в иерархии современного капиталистического мира. Тут действует правило: чем ближе к центру (ядру) – тем больше возможностей преодолеть кризисы, и, наоборот, чем ближе к периферии, тем меньше ресурсов для выхода из кризисного процесса. Вариацией этого подхода является мнение, что современные кризисы – это следствие нового раздела мира, где ключевым становится технологическое превосходство, приводящее к эрозии идеала западной либеральной демократии¹¹.

Вторая группа – это попытки объяснения кризисов модернизации отдельных политических систем их внутренними особенностями. Здесь КСМ объясняется изменением сущности государства во время модернизационной трансформации¹².

Третья группа определяет КСМ как множество взаимодействующих кризисов, зависящих и от свойств самой политической системы, и от поведения окружающей политической среды¹³.

Представление КСМ в виде множества кризисов, которые одновременно являются и причиной и следствием модернизации – существенно усложняют методологию анализа из-за необходимости учитывать кумулятивный эффект взаимодействия кризисов. Не облегчает это задание и необходимость учета взаимодействия трансформирующейся политической системы и внешнеполитического окружения. Все это актуализирует разработку новой теоретической версии КСМ: с учетом ухода от одномерного понимания модернизации и возможностью отображения особенностей модернизируемой системы.

Таким образом, разрешение поставленной задачи требует определения наиболее общих параметров функциональности/дисфункциональности политической системы.

По нашему мнению, эффективную политическую систему можно описать как способную: 1) выявить проблему; 2) генерировать идею ее решения; 3) обнаружить ресурсы для преодоления; 4) мобилизовать социум для преодоления проблемы. Значит, политическая система становится дисфункциональной в отсутствие субъектов, способных адекватно оценивать происходящее и предлагать альтернативное решение; апатичности социума; недостаточности ресурсов для решения поставленного класса задач.

В данном контексте уместно вспомнить замечание Э. Юдина о том, что для исследования функциональности объекта достаточно сосредоточиться на связях как внутри данного объекта, так и вовне – на связях со средой¹⁴. Методологическим преимуществом такого подхода является то, что обычно остается за рамками научных исследований, – первичность связей объекта над его структурой.

Эта точка зрения нашла отражение в современных методологических предложениях. М. Грачев для исследования изменений объекта анализа вводит понятие действующего элемента, подразумевая под ним любой объект окружающей среды, который и зависит от других объектов, и влияет на них¹⁵. Ключевым видом связи становятся коммуникации, возникающие в то время, когда определенные сигналы элемента становятся входящими координатами, изменяющими состояние элемента. При этом «входная» информация (поступающая к действующему элементу) имеет вид «сообщения», а значимая информация, способная менять состояние элемента, – это уже отображение самим элементом этого сообщения. Таким образом, связь – это сложный вид коммуникации, при котором исходящие сигналы одного элемента становятся входящими сигналами другого, а его же исходящие сигналы – входящими сигналами третьего.

На основе изложенного попробуем предложить собственную версию исследования КСМ. По нашему мнению, внутреннее состояние системы можно оценивать исходя из связности социума, критерием которой является мобилизационный потенциал

¹⁰ Virilio P. Speed and Information: Cyberspace Alarm! // Reading Digital Culture. Blackwell, 2001. P. 23–28.

¹¹ Ваджра А. Путь зла. Запад: матрица глобальной гегемонии. М., 2007. С. 273.

¹² Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб., 2004. С. 61–83.

¹³ Кеннеди П. Вступая в двадцать первый век: монография. М., 1997. С. 274, 278.

¹⁴ Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. Методологические проблемы науки. М., 1978. С. 239.

¹⁵ Грачев М. Н. Политическая коммуникация // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 1999. № 1. С. 24–25.

различных социальных прослоек (с ее латентным измерением – ожиданиями). Важным является и наличие социальных групп – генераторов идей системных изменений. Часто предвестником необходимости трансформации системы выступает наличие социальных категорий, утративших принадлежность к определенным социальным стратам, но оказывающих влияние на все общество.

Другим параметром внутреннего состояния политической системы могут служить качественные характеристики политической элиты, а именно: 1) наличие групп – претендентов на власть, заинтересованных в модернизации как средстве легитимизации претензий на власть; 2) функциональная подмена политической элиты другими прослойками (например, бюрократией); 3) социальное «замыкание» (капсулирование) политической элиты.

Следующий параметр – состояние инфраструктурных каналов между социумом и властью, охватывающий коммуникации между различными общественными слоями и пути инкорпорации членов общества во власть (например, образование, служба в армии и др.). Недостаточность связности в данном случае чревата утратой управляемости и неадекватными реакциями на системные вызовы – от замалчивания до выдачи желаемого за действительное. Здесь важным является: направленность коммуникационной инфраструктуры (от политической элиты к социуму и наоборот); наличие лифтов для инкорпорации представителей других социальных прослоек в политическую элиту.

В случае нарушения коммуникационной инфраструктуры необходимо учитывать то, как именно заполняется ее отсутствие: какие социальные образования начинают замещать ее функционально. Важно, что в этом случае часто создаются суррогат-заменители в виде: 1) криминализации, которая по сути является каналом вне правового поля и неподотчетна государству; 2) формирования социальных структур (преимущественно частных), которые становятся «заменителями» государства; 3) увеличения влияния бюрократии и чиновничества; 4) появления социальных структур типа «кланов», «семей», концентрирующих контроль над сферами деятельности; 5) возникновения «теневого» социума¹⁶.

Еще один признак утраты функциональности политической системы – увеличение влияния на политическую систему окружающей геополитической среды. На первый взгляд, это утверждение нелогично, так как чем больше возможностей у политической системы обрабатывать входящие данные, тем больше импульсов она принимает и тем более адекватным будет ответ этой системы. Но в данном случае действенным становится правило, что чем более система похожа на окружающую среду, тем легче ее завоевать. Если проходная способность входящих каналов меньше критической, то система неминуемо деградирует из-за неспособности видеть проблемы и вовремя находить ответы на запросы.

Таким образом, внешним параметром становится фактор окружающей среды, охватывающий геополитические интересы политических систем, которые могут ускорять и тормозить модернизационные процессы отдельной политической системы в зависимости от собственных стратегических целей. Способы влияния чрезвычайно разнообразны: от создания привлекательных образов современности в виде технологических, культурных, статусных ориентиров для наследования – до военной угрозы.

Поскольку КСМ вбирает в себя и постмодернизационные феномены, возникает вопрос о том, как исследовать политическую систему. По нашему мнению, кризисные явления, возникающие в результате неудачной модернизации, можно представить в виде определенных сценариев. Основными сценариями неудавшейся модернизации (КСМ) являются случаи, когда система вместо «осовременивания» либо деградирует, либо застывает, становясь неспособной к развитию, либо гибнет.

Выбор и особенности разворачивания того или иного сценария будет зависеть от ресурсной базы политической системы. (В предложенных нами координатах к ресурсам политической системы относится все, что ценно для выживания политической системы.)

¹⁶ Столяров А. Освобожденный Эдем. М., СПб., 2008. С. 229, 237–238, 241, 265.

Важно то, что именно излишек того или иного ресурса служит условием преодоления кризисов и обновления системы.

Сценарий перехода политической системы на более низкий уровень организации – это ее упрощение в виде: 1) разрушения чрезмерной структурности, освобождения социальной энергии для поиска инновационных решений; 2) деградации институциональной формы; 3) формирования параллельной реальности, где упрощение системы выглядит вполне функционально.

Модернизация может стать причиной и «зависания» политической системы. В данном случае политическая система живет до тех пор, пока остаются силы на самовоспроизводство. Характерно постепенное обеднение всех видов системных реакций, усложнение принятия решений, уменьшение возможностей предвидения последствий тех или иных действий власти. Но система может преодолеть кризисное состояние путем перенесения проблем во времени (на будущее) и в пространстве (на другие территории). Здесь сопутствующим моментом становится непроницаемость политической элиты, что проявляется в том, что власть, дистанцируясь от социума, прикрывает этим собственную беспомощность.

Гибель политической системы – самый негативный сценарий КСМ, ведущий к неизбежному «переформатированию» с последующим истощением всех видов ресурсов. Парадоксально, но все нерешенные задачи модернизации предстают перед новой системой в еще более драматическом варианте.

Преимущества предложенной версии КСМ заключаются в возможностях: 1) зафиксировать постепенность формирования и развития системных противоречий; 2) учесть то, что кризисы относятся к явлениям со скрытой (латентной) фазой. В таких координатах КСМ не просто эпизод в жизни политической системы, а поэтапный процесс, где качественные проявления и степень поражения политической системы зависят от действий субъектов власти, ресурсной базы конкретной политической системы, поведения геополитической среды. Но это еще не все: поскольку КСМ охватывает явления в пространственно-временной перспективе, система успевает создать определенный стереотип преодоления последствий модернизации, который «запускает» каждый раз, когда модернизация не достигает поставленной цели.

Это означает, что для понимания логики современной модернизации в Украине необходимо выстроить модернизационную «матрицу» предыдущих попыток. С этой точки зрения, оправданным является вычленение особенностей модернизаций российской и советской политических систем.

Так, первая волна (реформы и контрреформы Александра II, Александра III, Николая II) была реакцией на геополитическое поражение в Крымской войне; использовалась господствующей прослойкой для легитимации; проводилась насильственными методами. Основным модернизационным ресурсом стала демографическая избыточность крестьянства, что привело к разрывам как связности между властью и социумом и заменой коммуникационных каналов бюрократией, авантюристами, так и социальными разрывами (между профессиональными и сезонными рабочими; крепостными и государственными крестьянами).

Основным результатом стало появление прослойки – квазиинтеллигенции – интеллектуалов – выходцев из низов, неспособных зарабатывать на жизнь знаниями¹⁷. Маргинальность псевдоинтеллигенции превратила ее в основной резервуар сторонников радикальных преобразований, что в итоге обусловило разворачивание самого негативного сценария – слома системы.

Вторая волна модернизации охватывает сталинский проект коллективизации и индустриализации с присущими ему особенностями: 1) использованием идеи модернизации для борьбы с политическими оппонентами; 2) насилием; 3) наличием односторонней коммуникационной инфраструктуры – от власти к народу, где изменение социального статуса становилось возможным через получение образования или вступление в партию; 4) использованием внешней угрозы как средства формирования новой связности социума.

¹⁷ Даниелс Р. В. Взлет и падение коммунизма в России. М., 2011. С. 68.

Ресурсом модернизации снова выступило крестьянство. В выигрыше оказалась квазиинтеллигенция, которая из-за репрессий утратила социальных конкурентов (различных видов интеллигенции) и стала основой новой привилегированной прослойки.

КСМ этого периода – институциональное «упрощение» системы (сведения ее к блокам: политическому руководству, аппарату и исполнителям). Каждый из этих блоков имел собственную иерархию, где вышестоящий этаж являлся управляющим для нижестоящего, имеющему по отношению к вышестоящему только исполнительские функции. Социум также существенно упростился: вместо социального многообразия сформировался советский народ. Вследствие этого система получила дополнительный шанс для выживания, позволивший ей выстоять в войне и в кратчайшие сроки превратиться в ведущего геополитического игрока, создав вокруг системы барьер из стран-союзников.

Следующая попытка модернизации – «оттепель» Н. Хрущева – была реакцией на «холодную войну». Но необходимость обновления диктовалась и тем, что социум во время войны получил новую связность (вне идеологии). Отягчающим фактором стало истощение демографического ресурса после Второй мировой войны, что объясняет ставку на молодежь и ее энтузиазм (например, в освоении целинных земель).

Нельзя отрицать и присутствие субъективного компонента – необходимость выведения из игры наиболее вероятных наследников И. Сталина. Это объясняет еще одну особенность этой волны – борьбу за поддержку партийной номенклатуры и советского чиновничества.

Результаты были противоречивыми. С одной стороны, открытие исторической правды привело к появлению разнообразия субкультур (диссидентской, интеллектуальной, предпринимательской). С другой – планы широкого технологического обновления системы заменили концентрированием на конкретных задачах (освоения космоса). Обеднение ресурсов происходило постепенно, но в первую очередь это проявилось на геополитическом уровне. При этом на внешнем уровне утрата контроля центром привела к моментальным попыткам зависимых политических систем освободиться от чрезмерной опеки СССР.

КСМ отразился в сценарии «зависания» политической системы, проявившегося в консервации экономической отсталости, преобладании патриархальных отношений и специфических качеств культуры – потребности в руководстве, чувства благодарности власти, конформизма. Социальное неравенство превратилось в условие выживания, где привилегированное место заняла интеллигенция, лояльная к власти, а политическая элита превращалась в непроницаемый социальный феномен.

Следующая попытка модернизации – «перестройка» – была вызвана конкуренцией между представителями различных генераций властной верхушки на фоне заинтересованности субъектов геополитики в упадке СССР. Инициатива обновления системы исходила от высших эшелонов власти. Сама реформа подразумевала мобилизацию критических настроений и энтузиазма интеллигенции на поиск новой общественной связности путем осмысления исторического прошлого. В качестве ресурса выступали часть партийно-государственной номенклатуры, часть интеллигенции и ожидания социумом скорых перемен.

КСМ «перестройки» – это сценарий «катастрофического» упрощения системы: 1) утрата интеллигенцией привилегированного статуса и превращение в маргинальную прослойку; 2) демонтаж советской социальной связности и стремительное социальное расслоение; 3) сворачивание сфер государственного контроля; 4) потеря влияния в геополитической среде. Относительный выигрыш в результате данной модернизации получила местная периферийная элита, объединившаяся вокруг перераспределения власти между центром и республиками.

Изложенное позволяет сделать вывод, что общим для всех попыток модернизации является использование стратегии обновления системы политической элитой в собственных интересах, что чаще всего приводит к разрыву социальной связности на фоне истощения имеющейся ресурсной базы. Наиболее частыми сценариями КСМ становятся упрощение и зависание системы.

В свете неоднократных заявлений представителей украинской власти о курсе на модернизацию попробуем определить кризисные параметры современной украинской политической системы.

Несмотря на то что «модернизация» достаточно часто использовалась в предвыборных лозунгах избирательной кампании в Украине 2012 г., ее смысл сводится к банальному перераспределению остатков государственной собственности и возможности использования средств государства в частных интересах. В качестве примера приведем «модернизацию» железной дороги, где закупка иностранных поездов поставила на грань выживания собственных производителей.

Не добавляет оптимизма и состояние инфраструктурной связности. Вопреки распространенному мнению о демократичности украинских СМИ, период нахождения при власти донецкого клана свидетельствует о неуклонном сворачивании каналов влияния социума на власть. Практически «частное» правосудие сводит на нет все предшествующие достижения. В то же время образование перестает играть роль социального лифта, а политическая элита все более ярко проявляет признаки отчуждения от социума (в виде стиля жизни, ценностей и идеалов).

Состояние ресурсной базы удручает: демографические диспропорции, старение населения, массовая миграция – это только верхушка айсберга. Намного более угрожающей является утрата веры в действенность социальной мобилизации.

Как уже указывалось, в случае игнорирования кризисных требований политическая система автоматически использует предыдущий опыт модернизации системы. В современной Украине наблюдаются все признаки переноса проблем во времени на будущее (в виде валютных займов и передачи контроля над государственными стратегическими предприятиями другим геополитическим игрокам) и в пространстве (путем стимулирования миграционных потоков). А это означает, что происходит разворачивание сценария «зависания» политической системы.

В качестве вывода необходимо признать, что предложенная нами версия КСМ не является окончательной и требует уточнения (теоретического и практического). Но к безусловным ее плюсам можно отнести потенциальную возможность создания алгоритма модернизации отдельной политической системы, что предполагает преодоление стереотипного представления о неполноценности «вторичных» модернизаций.

CRISIS SYNDROME OF MODERNIZATION: RENEWED VERSION

T.K. POIARKOVA

*National Pedagogical
Dragomanov University,
Kiev, Ukraine*

e-mail:rosin13@ukr.net

In the article is grounded the necessity of the renewal of the notion «crisis syndrome of modernization». The author proposes personal version of «crises syndrome of modernization» which lets to distinguish crises – reasons for modernization and crises which occur as its result.

Keywords: modernization, political crisis, crisis syndrome of modernization.